

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-3-9-21

И.Н. Арзамасцева, Н.С. КатанаевМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Архаизирующие неологизмы Платона Лукашевича в раннем творчестве Алексея Кручёных

Статья посвящена генезису авторского стиля А.Е. Кручёных. Для осуществления поставленной цели впервые произведено лексическое сравнение поэтических текстов футуриста и книги П.А. Лукашевича «Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов» (1846). В ходе исследования были найдены заимствованные будетлянином архаизирующие неологизмы и охарактеризованы их особенности (лексическое значение и происхождение). В результате была определена роль архаизирующих неологизмов в ранних произведениях Алексея Кручёных: поэт использует их для стилизации речи, а также для наглядного выделения других слов, выражающих содержание стихотворений. Таким образом, на основе идеи Лукашевича о первобытном языке и с помощью заимствованных из «Чаромутия...» слов футурист формирует свой «язык будущего».

Ключевые слова: русский авангард, футуризм, неологизм, любительская лингвистика, поэтическая филология, А.Е. Кручёных, П.А. Лукашевич

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Арзамасцева И.Н., Катанаев Н.С. Архаизирующие неологизмы Платона Лукашевича в раннем творчестве Алексея Кручёных // Рема. Rhema. 2021. № 3. С. 9–21. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-3-9-21

© Арзамасцева И.Н., Катанаев Н.С., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-3-9-21

I. Arzamastseva, N. KatanaevMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119495, Russian Federation

Archaizing neologisms of Platon Lukashevich in the early works of Alexei Kruchenykh

The article discusses the genesis of Alexei Kruchenykh's manner of writing. To achieve the goal, for the first time, a lexical comparison of the futurist poetic texts and Platon Lukashevich's book "Charomutie, or sacred language of magicians, Magi and priests" (1846) was made. In the course of the research, borrowing archaic neologisms were found and their features (lexical meaning and origin) were characterized. As a result, the role of the archaic neologisms in the early Alexei Kruchenykh's works was determined: the poet uses them for a stylization, as well as for visual accentuation of other words that express the content of poems. Thus, on the basis of Lukashevich's idea of a primitive language and with the help of the words borrowed from "Charomutie..." the futurist forms his "future language".

Key words: Russian avant-garde, futurism, neologism, amateur linguistics, poetic philology, Aleksey Kručenykh, Alexei Kruchenykh, Platon Lukashevich

FOR CITATION: Arzamastseva I., Katanaev N. Archaizing neologisms of Platon Lukashevich in the early works of Alexei Kruchenykh. *Rhema*. 2021. No. 3. Pp. 9–21. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-3-9-21

Среди будетлян Алексей Кручёных выделялся литературной маской – маской первобытного поэта-певца, бросающего публике слова, как дикарь-людоед – обглоданную кость (стихотворение «Суровый идиот, я грохнулся на стол...», 1913). О происхождении этой маски и первых ее презентациях можно судить по знаменитому докладу в «Бродячей собаке» 1913 г. В своем «Воскрешении слова» В.Б. Шкловский, упомянув о неправильных ударениях у Кручёных – как приеме создания новых слов, тут же переходит к обобщению: «Древним бриллиантам слов возвращается их былое сверкание. <...> язык поэзии – это не язык

понятный, а язык полупонятный. Так, дикари часто поют или на архаическом языке или на чужом, иногда настолько непонятном, что певцу (точнее – запевале) приходится переводить и объяснять хору и слушателям значение им тут же сложенной песни (А. Веселовский, “Три главы из исторической поэтики”; Э. Гроссе, “Происхождение искусства”)» [Шкловский, 2018, с. 211].

Предложим еще один комментарий к этой маске, обратившись к книге «Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоть чаромути и черной истоти языков русского и других славянских и части латинского» [Лукашевич, 1846].

Эксцентричные труды П.А. Лукашевича (ок. 1809 – 1887) попали в исследовательское поле в период, когда формализм оказался под давлением со стороны представителей пролетарского подхода к изучению литературы. В.А. Гофман в своей монографии «Язык литературы: Очерки и этюды» обрушивается с критикой на идею Лукашевича о едином для всего человечества праславянском языке [Гофман, 1936, с. 23–25]. На наш взгляд, это свидетельствует об актуализации лингвистической концепции, которая была сложена еще в гоголевский период и вытеснена на обочину академическим сравнительно-историческим языкознанием, сформировавшимся в России к началу XX в. Вольные фантазии и смелые допущения «Чаромутия...» должны были остаться в прошлом филологии ввиду успешного применения первого лингвистического метода в строгом смысле этого слова [Поляков, 1984, с. 4]. Однако *любительская лингвистика* Лукашевича вошла в филологический дискурс опосредовано, через поэзию футуристов и так называемую *поэтическую филологию*, появление которой относят к десятым годам XX в. – эпохе раннего авангарда. Напомним, что под поэтической филологией Я.И. Гин понимал непрофессиональные высказывания писателей о языке [Гин, 1988, с. 20–22]. Критерии любительской лингвистики были определены гораздо позднее [Зализняк, 2009, с. 16]. Поскольку поэтическая филология есть вид лингвистики любительской, представляется правомерным искать «чаромути» и «истоти» Лукашевича в творчестве Кручёных.

В современной филологии значимость штудий Лукашевича оценивается именно в аспекте футуризма. В.В. Байдин в статье «Языковая утопия Велимира Хлебникова» анализирует попытки «председателя земного шара» найти русский «первобытный» язык и отмечает многочисленные параллели между ним и Лукашевичем [Байдин, 2007, с. 58–61]. В частности, исследователь приводит примеры архаизирующих неологизмов из «Чаромутия...» в статьях и художественных

текстах Хлебникова: *мечари* (рыцари), *охочкомонцы* (всадники-добровольцы), *тмень* (миллион), *значи* (знаки), *быстьтвор* (история), *гра-несловие* (грамматика), *пругва* (буква), *ничь* (ноль), *первины* (элементы), *числовицы* (формулы) и др. [Байдин, 2007, с. 58].

Впервые связь между сочинениями Платона Лукашевича, в том числе «Чаромутием...», и творчеством Велимира Хлебникова установил Е.П. Радин в работе «Футуризм и безумие» (1914). В ней автор сопоставляет идею будетлянина о «внутреннем склонении слов», которая заключается в поиске праоснов русских слов, и способы воссоздания праславянского языка, предложенные Лукашевичем: перемену значений слов и обратное чтение (последнее, согласно Радину, обычно свойственно психически нездоровым людям) [Радин, 1914, с. 24–26].

На Лукашевича ссылается Р.О. Якобсон в письме к Кручёных (датируется концом января – началом февраля 1914 г.), прося последнего напечатать новое стихотворение Алягрова (псевдоним Якобсона-футуриста) под заглавием «Пругвачу будетлянину Алексею Кручёных». «Пругва = буква, острый неологизм душевнобольного Платона Лукашевича», – объясняет Якобсон. Однако далее добавляет, что уверен в том, что адресат письма и сам прекрасно знаком с «поэзией сумасшедших» [Якобсон, 2012, с. 118].

«Чаромутие...» действительно могло быть знакомо Кручёных: всю свою жизнь «неугомонный речетворец» охотился за книжными раритетами [Greve, 2009, p. 380–381]. Советский поэт М.М. Скуратов вспоминает: «Кручёных утвердился в моем сознании еще и как дотошный библиофил, книжник в высоком смысле этого слова, и, когда нужно, мог добыть редкостную книгу как из-под земли, на это у него был особенный нюх, как ни у кого» [цит. по: Сухопаров, 1994, с. 99]. Подобным же образом поэта характеризует и московский купец-меценат А.А. Шемшурин [Сухопаров, 1994, с. 243], и другие современники.

Любительская лингвистика, сформировавшись в середине XVIII в., достигает своего расцвета в первой половине XIX в., когда возобновляется интерес к идеям А.С. Шишкова, заполняющим пограничье между любительством и академизмом. Шишков выступал за воссоздание славянского праязыка (ту же цель позднее преследовал П.А. Лукашевич) и утверждал, что из иностранных языков нужно заимствовать только идеи, подыскивая или составляя для них славянизмы. А.М. Камчатнов акцентирует внимание на противоречивости такого подхода: «Эту в целом, безусловно, здравую, глубокую и плодотворную мысль, близкую к принципам заимствования М.В. Ломоносова, А.С. Шишков мог иногда довести до абсурда...» [Камчатнов, 2018, с. 73], – и приводит хрестоматийные примеры предложенных лингвистом архаизирующих неологизмов: *мокроступы*

вместо *калоши*, *шаротык* вместо *бильярд* и т.д. [Камчатнов, 2018, с. 73]. Вместе с тем, исследователь указывает и на объективные причины отсутствия в трудах Шишкова научной строгости: «Вплотную подошел Шишков к понятиям праязыка и праформы (архетипа), но решить эти проблемы он был не в силах, так как для их решения нужна соответствующая среда, которой в России тогда не было; в этом заключалась драма Шишкова: он высказывал новые идеи тогда, когда еще не существовало надлежащих методов их реализации, место которых у него заняло безудержное фантазирование» [Там же, с. 233].

Лукашевича можно считать одним из последователей Шишкова. Близок к «шишковистам» оказался и Н.В. Гоголь, судя по материалам для словаря русского языка, которые он собирал в 1848–1851 гг. [Гоголь, 1952, с. 443–485]. Гоголя и Лукашевича связывала учеба в Нежинской гимназии; оба они остро чувствовали различия между родным южно-русским диалектом и «живым великорусским языком», запечатленным А.С. Пушкиным и В.И. Далем. Гоголь выделял и давал негативную окраску таким лукавым, на его вкус, словам-заимствованиям, как *оригинал*, *негоция*, *губернатор* и т.п.

Шишковские неологизмы будетляне отвергали вкуче со славянофильской идеей. Например, В.В. Маяковский, выступавший от всей группы, в очерке-некрологе, посвященном В. Хлебникову, подчеркивал: «Разумеется, здесь нет и следа дешевого славянофильства с “мокроступами”» [Маяковский, 1959, с. 25]. Программа футуристов строилась на более амбициозных идеях, требующих творческого отношения к «слову-новшеству». Они искали отнюдь не праоснову всех славянских языков, а первичный язык до разделения народов (между тем понятие о праиндоевропейском языке уже развивается в лингвистике). На основе праязыка они создавали язык будущего, единый для всего человечества.

Одним из путей создания такого языка Кручёных видел использование архаизмов и архаизирующих неологизмов. Однако не все из них придуманы им самим: целый ряд слов поэт заимствует из «Чаромутя...». Их он использует в некоторых стихотворениях, опере «Победа над солнцем», а также теоретических статьях. Важно отметить, что все далее упомянутые тексты, содержащие неологизмы Лукашевича, были опубликованы в один год – 1913-й, самый продуктивный в творческой биографии поэта.

Наибольшее количество архаизирующих неологизмов Лукашевича обнаружено нами в тексте оперы «Победа над солнцем». Во-первых, это имя существительное *баяч*, означающее ‘певец/поэт’: *Не вас баяч новейший / Будет воспевать* [Кручёных, 1913, с. 11]. Лукашевич употребляет однокоренное слово *баячь* в главе «Латинское чаромутие», где критикует

европейских деятелей культуры: «Ваши любомудрие и баячь (поэзия) суть неудачные и маловажные выписки из множества сочинений нашего старого языка...» [Лукашевич, 1846, с. 146]. Также в опере встречается числительное *тмени*: *Идите улиц миллионы / Иль тмени будет по-русски* [Кручёных, 1913, с. 11]. Лукашевич использует этот неологизм также с пояснением: «А местные “ходы” на Византию не были ли карою за тмени (миллионы) ее подданных, ею же истребленных вследствие богословских прений и разделения веры Христианской?» [Лукашевич, 1846, с. 3]. Наконец, Кручёных заимствует прилагательное *болье*, означающее, согласно Лукашевичу, ‘огромные’ или старое великорусское ‘облье’: *Тогда скажу: вот вы / Силачи болье!* [Кручёных, 1913, с. 12]. В «Чаромутии...» это слово используется как пример одного из способов восстановления праславянской основы слов: «одну из гласных должно переместить от левой руки к правой или от правой к левой» [Лукашевич, 1846, с. 21].

Все три неологизма представлены в сравнительно небольшой второй картине первого деймо, в репликах спортсмена и будетлянского силача. Здесь эти персонажи противопоставлены «вражеским воинам в костюмах турков», которые безмолвно «проходят» с «опущенными знаменами» (сравним глагол с известным неологизмом Кручёных в заголовке статьи «Кукиш прошлякам», 1923). Следовательно, их язык, включающий в себя архаизирующие неологизмы Лукашевича, противопоставлен «побежденным», «умолкшим» языкам. Неслучайно в песне спортсмена образ турков связан с мотивами осени, гнили, «корявых плодов». Именно к ним относится приговор-манифест: *Не вас баячь новейший / Будет воспевать* [Кручёных, 1913, с. 11].

Рассмотрим эти неологизмы подробнее. Учитывая то, что Лукашевич пытался найти слова из праславянского языка, мы можем предположить, в какие словообразовательные гнезда они входят, и проследить их этимологию. Архаизирующий неологизм *баячь*, из контекста оперы, является родственным словам *баять*, *баян*, т.е. *говорить* и *певец/поэт* соответственно, которые, согласно современному и доступному футуристам Сравнительному этимологическому словарю русского языка Н.В. Горяева, исконнородственны греческому *φημί* – ‘говорю’ [Горяев, 1996, с. 14]¹.

Предложенный Лукашевичем неологизм *больй*, исходя из значения, должен входить в одно словообразовательное гнездо со старославянским *болий*, рус. *большой*. Н.В. Горяев в своем словаре проводит

¹ Аналогичная этимология этих слов дана и в этимологическом словаре Фасмера [Фасмер, 1986, с. 140].

сравнение данных слов с *bala*, что на санскрите означает ‘сила’² [Горяев, 1896, с. 23]. Если остановиться на этих значениях, то словосочетание *силачи болые* синонимично «сильногоучим богатырям» русских лубков и представляет собой гиперболу на основе тавтологии, т.е. обычный народный поэтический прием.

Однако можно предложить еще одну трактовку этого эпитета. В «Словаре русских народных говоров» со ссылкой на работу А.М. Селищева «О языке современной деревни» (1939) слово *болий* трактуется как ‘больной (человек)’. Составители словаря приводят также омограф *болина*, который при ударении на второй слог обозначает ‘боль, недуг’ и в то же время ‘милого, любимого человека’, а при ударении на последний слог – ‘значительную величину’ [Филин, 1968, с. 75]. Если допустить, что в тексте поэмы неологизм *больий* содержит в себе обе коннотации, то сочетание *силачи болые* обретает новый поэтический оттенок, т.к. *болеть*, согласно тому же словарю, может также означать ‘жалеть’ [Там же, с. 74]. При таких значениях выражение *силачи болые* обретает новую жизнь, становится авторским поэтическим образом. Форма среднего рода *болое* присутствует также в стихотворении «Где тесен пыл бойница...» (1913): *облачье болое вбить наповал* [Хлебников и др., 1913, с. 17]. Здесь поэт, уповая на Гоголя, ведет бой против галло-романских «калош»: *где тесен пыл бойница / заплакает рыжья спица / гоголя падвол калоша* [Там же].

Архаизирующий неологизм *тмени*, в контексте стиха синонимичный слову *миллион*, можно соотнести со словом *тьма* в значении ‘бесчисленное множество’, которое родственно тюркскому слову *tuman* ‘десять тысяч, мгла’, что подтверждают оба словаря [Горяев, 1896, с. 382; Фасмер, 1987, с. 134]. Это же слово встречается в стихотворении «Хрюкает конь и учиться не хочет...» (1913): *впереди скорых и сильных / пробежав тмени метров* [Кручёных, Хлебников, 1913, с. 13].

Таким образом, несмотря на утверждения Лукашевича об истинно славянском происхождении его неологизмов, на самом деле они являются не специфически славянскими, а общеиндоевропейскими, тогда как слово *тмени* вообще заимствовано из тюркских языков. Выходит, Кручёных вольно или невольно впал в «чаромутие».

Стихотворение «В игорном доме», вошедшее в сборник «Поросята» (1913), также содержит архаизирующий неологизм авторства Платона Лукашевича. Это слово *видвы*, означающее ‘идеи’: *пред цепью златую тельца / видвы человечьи нелепы* [Кручёных, 1913b, с. 10]. В главе

² Фасмер также указывает на родственность этих слов с др.-инд. *bāliyan* и *bāliṣṭhas* (‘сильнее’, ‘самый сильный’) [Фасмер, 1986, с. 191].

«Латинское чаромутие» Лукашевич пишет: «Латинские писатели, особенно: Сенека, Тертулиан, утратили сию правильность, отчетливость и, составляя слова, не могли дать им той мысли, видвы (идеи), которую предполагали: они руководились уже чистым Латинским чаромутием, пренебрегая или же не зная древнего языка своих предков» [Лукашевич, 1846, с. 148].

Помимо описанных примеров, слова, похожие на неологизмы Лукашевича, содержатся в «заумных» текстах Кручёных, однако в данном случае невозможно однозначно определить, являются ли они прямыми заимствованиями или же омонимами. Например, мы можем сделать попытку интерпретации известной строки *дыр бул щыл* на основе книги Лукашевича. В статье «“Дыр бул щыл” в контексте эпохи» Н.А. Богомоллов приводит различные трактовки данного произведения, в том числе известный «перевод» Давида Бурлюка: «дырой будет уродное лицо счастливых олухов» [цит. по: Богомоллов, 2005]. В «праславянском» языке Лукашевича *дыр* действительно может быть родственным со словом *дыра*, т.к. оно, по мнению автора, близко к исконному; также в «Чаромутии...» иногда встречается словосочетание «вздырить поверхность» [Лукашевич, 1846, с. 71, 85]. *Бул* может быть архаизирующим неологизмом Лукашевича, который обозначает ‘бог’ [Там же, с. 92]. Насчет неологизма *щыл* Н.А. Богомоллов справедливо утверждает, что сочетание «щы» невозможно в русском языке, однако в книге Лукашевича присутствует 20 примеров слов с таким буквосочетанием, причем именно в словах, отнесенных Лукашевичем к «праславянским» «истотям». Большинство из них (15) являются причастиями, например, *сясвещый* (виденный), *ржузрещявящый* (рассуждающий), *негоднеящый* (негодующий) и проч. [Лукашевич, 1846, с. 246, 276, 385]. Остальные пять слов являются именами прилагательными, например, *дыхимящый* (сильный), *вехищый* (неприятный) и проч. [Там же, с. 174, 388]. Из этого можно сделать предположение, что Кручёных придумал *щыл* после прочтения «Чаромутия...».

Другой пример архаизирующего неологизма *кrotchа* (по Лукашевичу, то же, что *корча*, образованное от глагола *корчить* [Там же, с. 105]) встречается в стихотворении «Деймо», которое, судя по названию, было написано в одно время с оперой «Победа над солнцем»: *сарча кrotchа буча на вихроль опохромел* и т.д.³ [Кручёных, 1913, с. 4].

³ В самой опере в строке *кюлл сурн дер* может быть использована форма родительного падежа множественного числа слова *сурна*, которое Лукашевич представляет в «Чаромутии...» как свой неологизм. На самом деле оно таковым не является: в персидском языке оно обозначает ‘длинную трубу’, а в русском – ‘темя и лоб лошади’ [Даль, 1866, с. 331].

Обратимся к теоретическим статьям Кручёных, в которых он также использует архаизирующие неологизмы Платона Лукашевича. Брошюра «Слово как таковое» (сентябрь 1913 г.), составленная в соавторстве с Велимиром Хлебниковым, содержит два однокоренных неологизма: уже рассмотренный *баяч* (во множественном числе *баячи*) и *баячь* (поэзия): «Не безголосая, томная, сливочная тянучка поэзии (пасьянс... пастила...), а грозное *баячь*» [Кручёных, Хлебников, 1913, с. 9]. При этом, исходя из контекста, в котором используются эти слова («коим и посвящаю следующее стихотворение» [Там же, с. 11], далее следует стихотворение Кручёных «Поскорее покончить...»), можно утверждать, что в текст статьи «О художественных произведениях» они были внесены именно Алексеем Кручёных.

В другой статье того же года «Новые пути слова», вошедшей в сборник «Трое», Кручёных дает прямое обоснование использования архаизирующих неологизмов: «Зачем заимствовать у безъязыких “немцев”, когда есть великолепное свое?» [Хлебников и др., 1913, с. 13]. Он приводит три примера заимствованных слов, вместо которых, по его мнению, следует использовать архаизирующие неологизмы. Один из них – неологизм Лукашевича *мечари*, обозначающий ‘гладиаторы’, который тот использует во введении к «Чаромутию...»: «кто знает, сии частые нашествия предков наших на порочную и просвещенную Римскую Праву не были ли кровавою вирою за предание смерти Славян Понтийских, за мечарей (гладиаторов), выводимых на заклание для потехи Римского народа?» [Лукашевич, 1846, с. 3]. Стилистическую разницу между этими словами Кручёных объясняет следующим образом: «гладиаторы – тускло серо иностранно, мечари – ярко красочно и дает нам картину мощных людей, закованных в медь и сетку» [Хлебников и др., 1913, с. 13].

Рассмотрим стихотворение «В игорном доме» из сборника «Поросята» (1913). Здесь, как и в некоторых других стихотворениях, например, «К Т***», «Я еще молод», «Я жрец я разленился», поэт намеренно прибегает к архаической стилизации языка. Он использует целый ряд соответствующих словоформ: *иглою*, *неудержимую*, *волною*, *пред*, *златою*. Также он употребляет слово *нелепы* в его устаревшем значении (*некрасивы*). Используя вместо грецизма *идеи* неологизм Лукашевича *видвы*, автор достигает особой выразительности: все слова в стихотворении имеют славянскую основу. Исключение составляет только слово *попугаи*, «чаромутное» происхождение которого режет слух (согласно Сравнительному этимологическому словарю Н.В. Горяева, это слово пришло в русский язык из арабского через французский [Горяев, 1896, с. 274]). В стихотворении стая попугаев символизирует азартные мысли,

посещающие человека в игорном доме; подобно инородному телу (игле), они проникают в его мозг. Этот эффект травмы усиливается именно благодаря использованию автором заимствованного слова, в понимании П.А. Лукашевича – «чаромутного». Полагаем, что выбор Кручёных данного образа был также связан с омонимичностью существительного *попугай* глаголу в повелительном наклонении, который имеет ярко выраженную негативную коннотацию.

Таким образом, язык будущего А.Е. Кручёных формирует на основе идеи П.А. Лукашевича о необходимости очистить «праславянский» язык от чаромутных слов, воссоздать «первобытный» словарь языка, на котором говорило все человечество на заре истории. Архаизирующие неологизмы – одно из средств достижения этой цели. Поэт использует их как для стилизации речи, так и для выделения других слов, необходимых для наглядного выражения содержания стихотворений. Концепция языка будущего, предложенная А.Е. Кручёных, в полной мере может быть отнесена к «поэтической филологии», лингвистическая составляющая которой ближе к истории идей А. Шишкова, Н. Гоголя и П. Лукашевича, нежели Н. Карамзина, А. Пушкина и М. Лермонтова.

Библиографический список / References

Байдин, 2007 – Байдин В.В. Языковая утопия Велимира Хлебникова // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 51–83. [Baidin V.V. Linguistic utopia of Velimir Khlebnikov. *Voprosy literatury*. 2007. No. 6. Pp. 51–83. (In Rus.)]

Богомолов, 2005 – Богомолов Н.А. «Дыр бул щыл» в контексте эпохи // НЛО. 2005. № 72. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/bo8.html> (дата обращения: 01.04.20201). [Bogomolov N.A. “Dyr bul shhy!” in the context of the era. *NLO*. 2005. No. 72. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/bo8.html> (In Rus.)]

Бурлюк и др., 1913 – Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства: Стихи, проза, статьи / Бурлюк Д.Д., Бурлюк Н.Д., Кручёных А.Е. и др. М., 1913. [Burljuk D.D., Burljuk N.D., Kruchenyh A.E. et al. *Poshhechina obshhestvennomu vkusu. V zashhitu svobodnogo iskusstva: Stihy, proza, stati* [Slap the public taste. In defense of free art: Poems, prose, articles]. Moscow, 1913.]

Гин, 1988 – Гин Я.И. О «поэтической филологии» // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 20–22. [Gin Ya.I. Of “poetic philology”. *Literaturnyi protsess i problemy literaturnoi kultury: Materialy dlya obsuzhdeniya*. Tallin, 1988. Pp. 20–22. (In Rus.)]

Гоголь, 1952 – Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / Под ред. Н.Ф. Бельчикова и др. Т. 9. Наброски, конспекты, планы, записные книжки / Под ред. Г.М. Фридлендер. М., 1952. [Gogol N.V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. N.F. Belchikov et al. (eds.). Vol. 9. Sketches, notes, plans, notebooks. G.M. Fridlender (ed.). Moscow, 1952.]

Горяев, 1896 – Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. [Gorjaev N.V. *Sravnitelnyj jetimologicheskij slovar*

russkagoazyka [Comparative etymological dictionary of Russian language]. Tiflis, 1896.]

Гофман, 1936 – Гофман В.А. Язык литературы: очерки и этюды. Л., 1936. [Gofman V.A. Yazyk literatury: ocherki i etyudy [The language of the literature: Essays and sketches]. Leningrad, 1936.]

Даль, 1866 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 4. Р–V. М., 1866. [Dal V.I. Tolkovyj slovar zhivago velikoruskagoazyka. [Dictionary of the Great Russian Language]. Part 4. R–V. Moscow, 1866.]

Зализняк, 2009 – Зализняк А.А. О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь. 2009. № 1–2. С. 16–25, 54–62. [Zaliznyak A.A. Of professional and amateur linguistics. *Nauka i zhizn*. 2009. No. 1–2. Pp. 16–25, 54–62. (In Rus.)]

Камчатнов, 2018 – Камчатнов А.М. Русский древнеслов Александра Шишкова. Лингвистическое наследие А.С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. М., 2018. [Kamchatnov A.M. Russkii drevneslov Aleksandra Shishkova. Lingvisticheskoe nasledie A.S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste epokhi [Russian drevneslov of Alexandre Shishkov. Linguistic legacy of Alexandre Shishkov in the scientific and cultural context of the era]. Moscow, 2018.]

Кручёных, 1913а – Победа над солнцем: Опера А. Кручёных / музыка М. Матюшина. СПб, 1913. [Pobeda nad solncem: Opera A. Kruchenykh / muzyka M. Matjushina [Victory over the Sun: Opera by A. Kruchenykh / music by M. Matyushin]. St. Petersburg, 1913.]

Кручёных, 1913б – Поросята / Зина В. и А. Кручёных. СПб., 1913. [Porosjata / Zina V. i A. Kruchenykh [Piglets / Zina V. and A. Kruchenykh]. St. Petersburg, 1913.]

Кручёных, 1913с – Кручёных А.Е. Возропщем / Рис. Розановой и Малевича. СПб., 1913. [Kruchenykh A.E. Vozropshhem [Revolt]. Illustrations by Rozanova and Malevich. St. Petersburg, 1913.]

Кручёных, Хлебников, 1913 – Кручёных А.Е. и Хлебников В.В. Слово как таковое. М., 2000. [Kruchenykh A.E., Khlebnikov V.V. Slovo kak takovoe [The word as such]. Moscow, 2000.]

Лукашевич, 1846 – Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоть чаромути и черной истоти языков русского и других славянских и части латинского. Петрьгород, 1846. [Lukashevich P.A. Charomutie, ili Svjashhennyjazyk magov, volhvov i zhrecov, otkrytyj Platonom Lukashevichem, s pribavleniem obrashhennyhim zhe v prjamuju istoty charomuti i chernoj istoti jazykov russkogo i drugih slavjanskikh i chasti latinskogo [Charomutie, or sacred language of magicians, Magi and priests, discovered by Platon Lukashevich, with the addition of the Charomut and Black Istot of Russian and other Slavic languages and partly of the Latin]. St. Petersburg, 1846.]

Маяковский, 1959 – Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. Т. 12: Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917–1930 / Подготовка текста и примеч. А.М. Ушакова и др. М., 1959. [Mayakovskiy V.V. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Vol. 12: Articles, notes and speeches. November 1917–1930. A.M. Ushakov et al. (preparation of the text and footnotes). Moscow, 1959.]

Поляков, 1984 – Поляков О.В. Сравнительно-историческое (индоевропейское) языкознание в России конца XIX – XX вв. Принципы построения сравнительно-исторических грамматик: Дис ... канд. филол. наук. М.,

1984. [Polyakov O.V. Sravnitelno-istoricheskoe (indoevropaiskoe)azykoznanie v Rossii kontsa XIX – XX veka. Printsipy postroeniya sravnitelno-istoricheskikh grammatik [Comparative (Indo-European) linguistics in Russia at the end of XIX – XX centuries. The principles of building comparative grammars]. PhD dis. Moscow, 1984.]

Радин, 1914 – Радин Е.П. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. СПб., 1914. [Radin E.P. Futurizm i bezumie: Paralleli tvorchestva i analogii novogo jazyka kubo-futuristov [Futurism and Madness: Parallels of creativity and analogies of the new language of Cubo-Futurists]. St. Petersburg, 1914.]

Сухопаров, 1994 – Сухопаров С.М. Алексей Кручёных в свидетельствах современников. Мюнхен, 1994. [Sukhoparov S.M. Aleksej Kručenykh v svidetelstvakh sovremennikov [Aleksej Kručenykh in the memories of the contemporaries]. Munich, 1994.]

Фасмер, 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. Т. I (А–Д). М., 1986. [Vasmer M. Jetimologicheskij slovar russkogo jazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. O.N. Trubachev (transl. from German and add.). Vol. 1 (A–D). Moscow, 1986.]

Фасмер, 1987 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 4 (Т – Ящур). М., 1987. [Vasmer M. Jetimologicheskij slovar russkogo jazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. O.N. Trubachev (transl. from German and add.). Vol. 4 (Т – Jashhur). Moscow, 1987.]

Филин, 1968 – Словарь русских народных говоров / Сост. И.А. Попов и др.; Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 3: Блазнишка – Бяшутка. Л., 1968. [Slovar russkikh narodnyh govorov [Dictionary of the Russian folk dialects]. I.A. Popov et al. (compl.); F.P. Filin (ed.). Leningrad, 1968.]

Хлебников и др., 1913 – Хлебников В.В., Кручёных А.Е., Гуро Е.Г. Трое. СПб., 1913. [Khlebnikov V.V., Kručenykh A.E., Guro E.G. Troe [Three]. St. Petersburg, 1913.]

Шкловский В.Б. Собрание сочинений. Т. 1: Революция / Сост., вступ. статья И. Калинина. М., 2018. [Shklovsky V.B. Sbranie sochinenij [Collected works]. I. Kalinin (compl., introd. article). Vol. 1: Revolution. Moscow, 2018.]

Яacobсон, 2012 – Яacobсон Р.О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. М., 2012. [Jakobson R.O. Budetljanin nauki: vospominanija, pisma, stati, stihy, proza [Budetljanin of science: Memoirs, letters, articles, poetry, prose]. B. Yangfeldt (ed.). Moscow, 2012.]

Greve, 2009 – Greve Ch. Art between affective memorisation and the bureaucracy of the archive: From Aleksej Kručenykh to contemporary Russian artists. *Russian Literature*. 2009. Vol. 65. No. 1–3. Pp. 379–394.

Статья поступила в редакцию 09.10.2020
The article was received on 09.10.2020

Об авторах / About the authors

Арзамасцева Ирина Николаевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет

Irina N. Arzamastseva – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1564-9385>

E-mail: arzamas_i@mail.ru

Катанаев Никита Сергеевич – аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет

Nikita S. Katanaev – postgraduate student at the Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: nikhumster@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript